

МУХОМОР В БЫТУ, ВЕРОВАНИЯХ, ОБРЯДАХ, ИСКУССТВЕ НАРОДОВ СЕВЕРА*

Елена Петровна Батьянова
Михаил Мокович Бронштейн

Аннотация. В статье рассматриваются религиозные представления народов Северо-Востока Сибири о мухоморе, ритуальные практики, связанные с ним, традиции использования этого гриба в качестве галлюциногена и в медицинских целях. В основе статьи лежат полевые материалы, собранные авторами среди коренных жителей Чукотки и Камчатки (чукчей, коряков, чуванцев) в 1980–2000 гг. Приводятся зафиксированные авторами в экспедициях бытовые и мифологические рассказы о мухоморе. Сопоставляются и анализируются изображения «людей-мухоморов» на древних наскальных рисунках Пегтымеля и гравюрах на моржовых клыках чукотской художницы Лидии Теутиной.

Ключевые слова: мухомор, народы Севера, галлюциногены, шаманизм, обряды, Чукотка, Камчатка, наскальная живопись, косторезы и граверы Уэлена

Первые обстоятельные описания использования народами Севера мухоморов в качестве опьяняющего и галлюциногенного средства принадлежат участникам Великой Северной экспедиции (1733–1743 гг.): С.П. Крашенинникову, Г. Стеллеру, Я. Линденау, которые наблюдали эту традицию у коряков и ительменов, а также у хантов и манси. Способы употребления мухоморов, согласно сообщениям этих путешественников, были разными: грибы ели натошак в сыром и сушеном виде или «мочили в кипрейном сусле». Широкое распространение имело питье «мухоморной мочи», причем с соблюдением определенной социальной иерархии, на что обратил внимание Я. Линденау, который писал, что «мухомор у коряков – угощение богачей, бедные же довольствуются мочой последних; когда такой опьяневший от мухомора мочится, то к нему сбегаются многие и, выпив его мочи, пьянеют еще больше, чем сам наевшийся мухоморов» (Линденау 1983: 124–125).

С.П. Крашенинников отметил у аборигенов Камчатки несколько стадий опьянения мухомором. При начальных стадиях человек чувствует в себе «чрезвычайную легкость, веселие, отвагу и бодрость». От неумеренного (5–9 и более грибов) употребления мухомора через час или менее после его принятия у опьяневших начинается «дергание членов», а еще через некоторое время «иные скачут, иные пляшут, иные

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 13-01-00276а).

плачут и в великом ужасе находятся, иным скважины большими дверьми и ложка воды морем кажется» (Крашенинников 1949: 428).

Участники Великой Северной экспедиции не только описали способы употребления мухомора и внешние реакции на это людей, но и попытались понять и объяснить механизм его воздействия на человека. Например, натуралист и врач Георг Стеллер, первооткрыватель многих лекарственных растений Сибири, так объяснял возбуждающее действие этой «фантастической пищи» на северян: «У людей, находящихся в состоянии безумия, я не мог заметить ускорения пульса или какого-нибудь признака возбуждения крови. По-видимому, этот яд оказывает действие более на нервы, поскольку после потребления гриба нервы расшатываются» (Лукина 1982: 140).

В.Г. Богораз, рассказывая в своих книгах и статьях об употреблении мухомора чукчами на рубеже XIX–XX вв., так же, как и Крашенинников в случае с камчадалами, выделил три стадии опьянения, но при этом обратил внимание на особенности проявления религиозного сознания у людей, принявших мухомор. Первую стадию, согласно Богоразу, характеризует «шумная веселость», на второй стадии человек видит предметы в увеличенном или уменьшенном виде, слышит голоса, приказывающие ему совершать какие-либо действия (часто несообразные), видит духов мухомора и разговаривает с ними, старается изобразить из себя мухомор. На третьей стадии опьянения человек, находясь в бессознательном состоянии, «путешествует» по иным мирам, где встречается с умершими (Богораз 1991: 140–142).

Употребление мухомора в пищу было отмечено у многих других народов Сибири: ненцев, юкагиров, эвенков, эвенов, чуванцев, коми, нганасан, энцев, селькупов. Материалы о потреблении мухомора сибирскими народами обобщены в компактной, но весьма содержательной статье эстонского этнолога Марет Саар (Saar 1991). Исследовательница выделяет два больших региона, где проживают народы, употребляющие в пищу мухомор. Один из регионов включает север Западной Сибири и полуостров Таймыр, а другой – Чукотку и Камчатку, т.е. Крайний Северо-Восток. Причем, если на Таймыре и в Западной Сибири мухомор преимущественно использовали в пищу шаманы или шаманствующие, то на Крайнем Северо-Востоке такого ограничения не существовало (Saar 1991: 158).

В 2004 г. в Москве в издательстве «Велигор» вышла книга Оларда Диксона об использовании мухомора в шаманских мистериях (Диксон 2004). Книга основана преимущественно на сибирских материалах.

Представления о сакральном статусе мухомора, как и ритуальная практика, связанная с ним, до сих пор бытуют у коренного населения Северо-Востока Сибири. В 1980–1990-х гг. один из авторов настоящей статьи, работая в этнографических экспедициях среди коряков, чукчей,

чуванцев, наблюдала местные обычаи, связанные с собиранием и использованием мухомора, записывала бытовые и мифологические рассказы о нем. Собранные ею материалы, в совокупности с данными других современных исследователей, характеризуют состояние традиций, связанных с мухомором, у коренных народов Чукотки и Камчатки на рубеже XX–XXI вв.

Образ мухомора

Традиционные представления о мухоморе коренных жителей Северо-Востока Сибири основаны на древних анимистических воззрениях, в основе которых вера в одушевленность всего окружающего мира, всей природы. Согласно этим воззрениям мухомор – это живое существо. От других грибов мухомор отличается своей красотой и большей близостью к человеку. Мухомор весел, добродушен, он любит подшучивать над «намухоморенными» людьми, заставляя их петь, танцевать, снимать с себя одежду, делать неприличные жесты. В трудных ситуациях мухомор помогает людям своим советом, предупреждает об опасности. Он может излечить от болезни, наказать за провинность и пр.

У мухомора есть собственные духи. Они внешне очень похожи на него и не имеют шеи и ног. Эти духи являются людям во снах и галлюцинациях и заставляют опьяневшего от мухомора человека подражать им.

По одной из корякских легенд, мухомор – это женщина, которая, обидевшись на своего мужа, превратилась в гриб и ушла вместе со своими детьми в землю. По другой легенде, мифологический герой коряков Эмемкут, восхищенный красотой мухомора, превратил его в прекрасную девушку. Некоторые родственные группы на Чукотке ведут свое происхождение от мухомора.

Кто и когда употребляет мухомор

Чукчи, коряки, чуванцы до сих пор употребляют мухомор в пищу (сырым, сушеным, в виде настойки или иногда – «мухоморной мочи») для поднятия жизненного тонуса, отправляясь в длительный пеший переход, «перед тем, как идти в тундру за ягодой или дрова собирать», «чтобы легче было работать». Пастухи-оленьеводы употребляют мухомор для того, «чтобы быстрее бегать за оленями». Нередко мухомор принимают для «большой смелости». Пожилая корячка, узнав, что ее сын очень скованно чувствует себя на танцах в клубе и стесняется общаться с девушками, провела дома специальный обряд, во время которого состоялось первое принятие молодым человеком мухомора. Мухомор «помог» юноше избавиться от застенчивости (ПМА-1).

Корякский поэт Ю. Алотов объяснял американским микологам, путешествовавшим по Камчатке в 1994 и 1995 гг., что он принимает мухо-

мор «для усиления интуиции и творческого вдохновения», некоторые коряки рассказывали американцам, что этот гриб вдохновляет их на сочинение собственных песен (Salzman и др. 1996: 42).

Мухомор также широко используют в лечебных целях. При этом очень популярно наружное применение мухомора: им обрабатывают края гнойных ран, лечат кожные заболевания. Спиртовой настой мухомора используют для компрессов при радикулите, болезнях суставов.

Перед лечебным использованием мухомора к нему обращаются с просьбой об излечении, рассказывают ему о своей болезни или болезни близкого: «К нему с разговором надо. Что у тебя болит, сказать. Он же как человек» (ПМА-1).

В семейных хрониках коряков встречаются сюжеты, связанные с мухомором. В одной из зафиксированных нами хроник рассказывается о кратковременном прозрении незрячей женщины после принятия ею мухомора: «У моего дедушки была мачеха. Она была слепая. Они почти были ровесниками. Он специально пошел за мухомором для мачехи. Принес несколько штук, посушил. Когда сушил, говорил: “Надо, чтобы она увидела свет”. Когда она потом поела мухомор, то была в таком состоянии, что все увидела: и солнце, и природу, и людей. Но потом опять ослепла» (ПМА-3).

В качестве лекарства мухомор дают иногда психически больным, считая, что он способствует улучшению их состояния.

Мухомор принимают также «для веселья». У коряков существует предание о том, что их прародитель Кутхиняку «последним на Земле создал мухомор, чтобы людям было жить веселее».

Массовое принятие мухомора традиционно происходило и до сих пор происходит на осенних праздниках. Праздники начинались с конца ноября, т.е. в довольно тяжелое на Севере время года. «С поздней осени, – писал капитан Мерк, – начинаются их увеселения, продолжающиеся всю зиму напролет. Жители разных населенных пунктов посещают друг друга. Изобилие самой по себе простой пищи является главным в их угощении, которое к ночи сменяется веселыми танцами. В своих песнях, которыми они сопровождают танцы, прославляют то, что они видели или сделали» (Этнографические материалы 1978: 89).

Само принятие мухомора часто осмысливается как магическое действие, обеспечивающее благополучие. Об этом говорится в корякских песнях, входящих в «мухоморный ритуал»:

Я мухомор поела, чтобы хорошо все жили.

Хорошенько приду в себя, просыпаюсь, прихожу в себя.

Просыпаюсь, чтобы в селении никто не болел, хорошо жили.

Мухомор поела для жизни (Society and Folk Art 1998: 112).

Я мухомора наелся, олени чтобы хорошо жили, чтобы хорошо и оленята выросли (Society and Folk Art 1998: 113).

Одна из целей вкушения мухомора – это наделение себя временным даром ясновидения, для того, чтобы предсказать судьбу, увидеть, что происходит с близкими, находящимися вдали от дома и пр. Нередко мухомор принимают с целью совершить путешествие в иные миры, прежде всего в мир умерших, чтобы «навестить» там своих родственников. Характерно, что у народов Северо-Востока Сибири общение с потусторонним миром не считается прерогативой шамана, ее вправе осуществлять любой человек, чувствующий в себе такую способность. Приводим два чуванских рассказа о путешествиях в мир умерших после принятия мухомора:

«Ели сухой мухомор. Считалось, что если мухоморы с острой шляпкой, то к верхним людям будешь в гости ходить, если плоские, то со зверями будешь общаться. Рядом всегда сидела девка-помощница. Он (принявший мухомор. – Е.Б., М.Б.) в бубен стучал, и она – в бубен. Девка не давала ему, чтобы он совсем ушел туда. Дед рассказывал один, который вернулся: “На том свете все отдельно живут. Кто утонул – отдельно, кто от болезни умер – отдельно, но друг к другу в гости ходят, а вот самоубийц там нигде не принимают, в гости даже не зовут. Все наоборот там. Правая рука, где левая. Левая рука, где правая. Одна бабка там тащит что-то тяжелое. “Помоги мне”, – говорит, а я знаю: если помогу, то там останусь”».

«Был в тундре такой случай. Шаман один приехал. Он мухомора поел и сказал: “Я через 9 дней назад вернусь. Долго пойду туда, к родственникам”. А тогда уже советская власть была. Милицию вызвали. Говорят: “Шаман приехал, опять шаманит”. Милиция пришла: “Смотрите, он умер!” Тело холодное у него, даже пульс еле прощупывается. Душа-то у него там. Брат шамана говорит: “Он мухомора поел, назад через 9 дней вернется”. – “Ничего не знаем, вот давай, похорони его прямо при нас. Закопай и все, никаких тут шаманств. Какие мухоморы?! Бред какой-то!” Брат их умолял, говорил: “Он живой”. – “Закопай и все!” – говорят. Бубен сожгли, шамана закопали. На девятый день, видать, возвращался он оттуда. Ветер поднялся страшный. Яранги попадали, такой ветер, кошмар, деревья падали, на реке волны большие поднялись, собаки начали выть, страшно стало. Ночью брат с сестрой туда побежали на могилу. Откопали его, а он задохнулся, перевернутый. Оттуда его вытащили. По-своему похоронили. А этот поселок потом, на будущий год, затопило полностью. Все снесло весной”» (ПМА-2).

Правила общения с мухомором

Правила общения с мухомором, отличаясь в разных локальных и родственных группах коренных народов Чукотки и Камчатки, все же имеют много схожего. На всех этапах (от собирания до принятия) это

общение представляло определенный ритуал, в котором сакральный статус мухомора подчеркивался системой запретов и предписаний. Одним из непрременных предписаний было хорошее, доброе расположение духа. Считалось, что злым людям вообще нельзя контактировать с мухомором, так как такой контакт может стать причиной массовых несчастий. Нашедший мухомор должен был всячески демонстрировать свою радость: исполнить песню или танец и пр.

Запрещалось срезать мухомор ножом, переворачивать вниз головой, разрушать грибницу, рвать слишком маленькие грибы. При сушении мухомора нельзя нанизывать его на нитку, прокалывая иглой. Принимать обязательно надо нечетное число мухоморов – 3, 5, 7, 9 – «чтобы один был без пары». Нельзя есть мухомор «с плохим уговором» – «обращаться с ним надо ласково» (ПМА-2).

В некоторых группах запрещалось употреблять мухомор, «когда солнышко скатывается», в других не рекомендовалось принимать его зимой. Разрешение на ритуальное общение с мухомором нередко испрашивалось у стариков, регламентирующих религиозную жизнь общин.

Первому принятию мухомора придавалось особое значение, оно напоминало инициацию. Об этом ритуале 65-летняя корячка рассказала следующее: «Я уже замужем была. Ребенок уже был. И вот старший брат отца говорит: “Попробуй вот это”. И сразу я сдалась, потому что нельзя отказывать старым людям. Попробовала, а потом, когда прошло опьянение, он мне сказал: “Ты только один раз в год его пробуй и только по три, и если желание у тебя будет, то по пять, но один раз в год”. И сейчас я только по его слову делаю» (ПМА-1).

Принявшему мухомор рекомендовалось лечь спать. Во снах, увиденных в состоянии мухоморного опьянения, искали разгадку будущего, сигнал об опасности и пр. Считалось, что советы мухомора, услышанные во сне или наяву, могут помочь человеку избавиться от тяжелых жизненных невзгод. Так, у одной корякской женщины «стали сыновья гибнуть». «По совету мухомора», чтобы сберечь детей, она в пургу, раздетая, обходила стойбище, играя на бубне (ПМА-3).

Иногда духи мухомора, «являясь» опьяненному во сне или при его пробуждении, запрещали ему в дальнейшем употреблять мухомор: «Я проснулся и увидел, что табун крутится на небе. Говорят мухоморы мне: “Если только так будешь кушать, то умрешь – вот на тот свет пойдешь, где табун крутится”» (ПМА-2).

Характерно, что правила общения с мухомором иногда различались у мужчин и женщин. В некоторых общинах мужчинам не разрешалось разжевывать мухомор, и, прежде чем его принять, они давали разжевать его женщинам. В отдельных общинах женщинам вообще не разрешалось принимать мухомор.

Ощущения людей, принявших мухомор

Считается, что мухоморы разной формы, величины, цвета по-разному могут воздействовать на человека. В зависимости от этого, различаются «сильные» и «слабые» мухоморы. «Сила» мухомора зависит также от времени года: «Самый сильный мухомор – это август-сентябрь» (ПМА-1).

Многие люди, принимавшие мухомор, вспоминают об испытываемом ими при этом чувстве радостного возбуждения, ощущении необычайной легкости, полета: «Хочется и разговаривать (слова сами выскакивают), и песни петь, и работать» (ПМА-2); «Как будто шагаешь по небу. И бесконечное небо. Все время иду-иду, иду-иду – нет конца» (ПМА-1).

Неумеренное употребление мухомора может спровоцировать агрессию. Мне (Е.Б.) рассказывали, что молодой коряк в состоянии сильного мухоморного опьянения услышал, как чей-то голос ему приказывал, многократно повторяя: «Убей жену! Убей жену!» В порыве ярости молодой человек отрубил себе палец (ПМА-1). Рассказывают о случаях смерти от мухоморного опьянения. Так, пастух-оленовод в состоянии белой горячки стал «гоняться за мухомором» с тем, чтобы его убить. В результате его самого нашли мертвым. Надо сказать, что агрессивное поведение, вызванное мухоморным опьянением, все же явление редкое: правила общения с мухомором требуют обязательного настроя на добро, радость.

В целом надо отметить, что вплоть до настоящего времени старшее поколение коренных жителей Чукотки и Камчатки сохраняет традиционные представления о сакральном статусе мухомора, восходящие к глубокой древности, что находит отражение не только в религиозных обрядах, обычаях, но и в искусстве этих народов.

«Люди-мухоморы» в изобразительном искусстве Чукотки

В изобразительном искусстве народов Чукотки можно выделить как минимум две группы изображений, связанных с мухоморами. В обеих группах это изображения антропоморфных существ, в которых соединяются черты человека и гриба – «люди-мухоморы». Рядом с «людьми-мухоморами» изображены обычные люди или, по крайней мере, те, кого можно считать человеком, а не сверхъестественным существом. «Люди-мухоморы» и «настоящие люди» вступают в контакты друг с другом.

Обе группы изображений обладают заметными особенностями. Различны техники их исполнения. В одном случае это наскальные рисунки, в другом – гравировка на моржовых клыках. Одни изображения

условны и статичны, другие отличаются тщательной проработкой деталей и динамизмом поз. Различна в обеих группах и иконография «людей-мухоморов»: их образы явно восходят к двум разным иконографическим традициям. К отмеченным различиям в двух группах изображений остается добавить самое главное – их датировку. Изображения первой группы (петроглифы) были созданы не позднее I тыс. н.э., а быть может, и несколько ранее. Что касается изображений второй группы (гравюры на моржовой кости), то время их появления известно абсолютно точно – 2008–2009 гг.

Петроглифы с изображениями «людей-мухоморов» были обнаружены выдающимся археологом Н.Н. Диковым на скалистых берегах заполярной реки Пегтымель приблизительно в 50 км от места ее впадения в Восточно-Сибирское море (Диков 1971). Помимо загадочных грибоподобных существ, на пегтымельских скалах были выбиты изображения людей, оленей, лосей, бурых медведей. Частыми сюжетами рисунков Пегтымеля были сцены охоты, причем как на животных тундры, так и на китов. Последнее обстоятельство представляется достаточно важным: оно указывает на то, что создателями «пегтымельской картинной галереи» были не только древнечукотские племена, но также их приморские соседи – древние эскимосы.

«Люди-мухоморы» из Пегтымеля – в пользу того, что это именно мухоморы, Н.Н. Диков приводит убедительные аргументы, включая мнения микологов (Диков 1971: 24, 59), – не участвуют в сценах охоты. Их образы, как отмечалось выше, статичны и в большинстве случаев лишены динамики, однако в них неизменно присутствует монументальность. Они всегда крупнее остальных персонажей. В их позах прочитывается определенная величавость. Построение сцен с «людьми-мухоморами» таково, что эти изображения воспринимаются главными в композиции (рис. 1, 2). На доминирующую роль «мухоморов» указывает также достаточно частое изображение рядом с ними «обычных людей», которых они, «мухоморы», держат за руку (рис. 3).

Заслуживает внимания еще одна особенность образов «людей-мухоморов». Они нередко имеют отчетливо выраженные признаки пола. Количественно преобладают в пегтымельских наскальных рисунках женские особи. Они, как правило, значительно выше ростом «мухоморов-мужчин» (рис. 4).

Появление в пегтымельских петроглифах образов «людей-мухоморов» Н.Н. Диков связывал с практикой использования народами Севера ядовитых грибов как галлюциногенных средств. На связь грибовидных существ с шаманизмом указывал, по мнению Н.Н. Дикова, такой встречающийся на пегтымельских скалах мотив, как «пляшущие фигурки людей-мухоморов» (Диков 1971: 60).

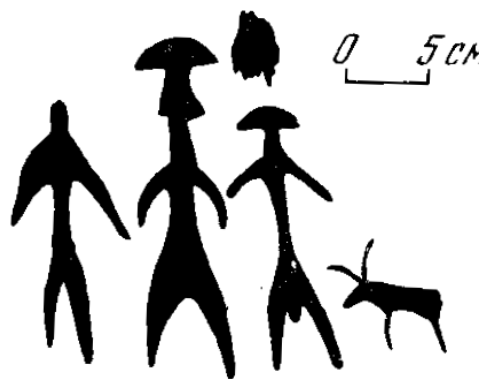

Рис. 1. Наскальный рисунок. Пегтымель, камень I. I тыс. н.э.

Рис. 2. Наскальный рисунок. Пегтымель, камень IX. I тыс. н.э.

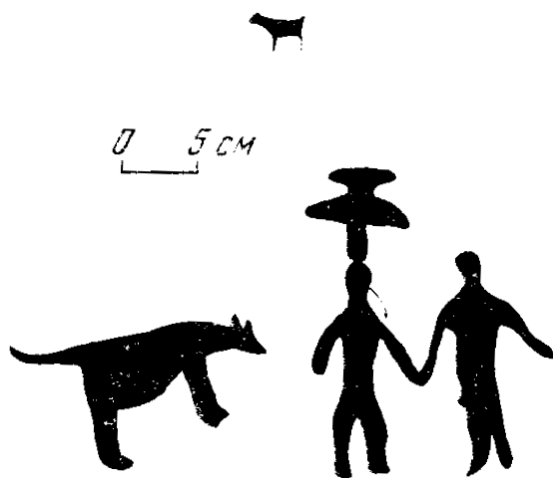

Рис. 3. Наскальный рисунок. Пегтымель, камень I. I тыс. н.э.

Рис. 4. Наскальный рисунок. Пегтымель, камень III. I тыс. н.э.

Обратимся ко второй группе произведений изобразительного искусства Чукотки, имеющих отношение к культу галлюциногенных грибов. Образы «мухоморовидных» существ, как уже говорилось, вновь появились несколько лет назад на гравированных моржовых клыках. Автором этих работ была старейший чукотский гравёр, заслуженный художник Российской Федерации Лидия Теютина (1945–2012). Л. Теютина – чукчанка. Она жила в Уэлене – старинном поселке морских зверобоев и оленеводов, который с 1930-х гг. является также центром косторезного художественного промысла береговых чукчей и азиатских эскимосов. За 40 с лишним лет работы в Уэленской косторезной мастерской Л. Теютина выполнила сотни гравюр на моржовой кости. Многие из них созданы художницей по мотивам чукотского фольклора, однако вплоть до 2008 г. она никогда не изображала на гравированных клыках «людей-мухоморов». В 2008–2009 гг. у Л. Теютиной появилось несколько подобных произведений. Они имели сходные названия – «В стойбище мухомора», «В стойбище мухоморов» – и почти одинаковый сюжет. На моржовых клыках изображались динамичные сцены, участниками которых были как грибовидные персонажи мужского и женского пола, отдаленно похожие на людей, но явно превосходящие их по силе, так и «реальные» люди, впрочем, достаточно странного вида.

На одной из таких гравюр антропоморфные герои Л. Теютиной – от обычных людей их отличают грубые черты лица и отсутствие одежды – живут в тундре, выпасают оленей, заготавливают дрова и собирают грибы-мухоморы (рис. 5). На оборотной стороне моржового клыка мы видим другую картину. (Повествовательный характер чукотской сюжетной гравировки позволяет сравнительно просто прочитывать сюжеты.) Мужчина и женщина приезжают на оленьей упряжке в «стойбище

мухоморов» и вступают с ними в контакты эротического характера (рис. 6). Подобное путешествие, вероятно, – результат поедания грибов. Это действие непосредственно не показано на гравюре, но о том, что оно имело место, красноречиво свидетельствует предыдущая сценка – соби́рание в тундре мухоморов.

Рис. 5. Л. Теютина. Гравированный клык «В стойбище мухоморов». Уэлен, 2009 г.

Рис. 6. Л. Теютина. Гравированный клык «В стойбище мухоморов» (оборотная сторона). Уэлен, 2009 г.

Как объясняла сама художница столь неожиданный поворот в своем творчестве? По словам Л. Теютиной, в молодости она часто слышала рассказы о «людях-мухоморах», но не решалась обращаться к этой «запретной» теме, и только спустя многие годы ей, наконец, захотелось изобразить на гравированном клыке то, о чем рассказывали когда-то пожилые люди. Насколько точно раскрывают слова художницы подлинный смысл произошедшей в ее работе перемены? Не являются ли созданные ею образы данью моде на «искусство для туристов»? Не повлияли ли на Л. Теютину публикации, посвященные петроглифам Пег-тымеля?

На поставленные вопросы трудно сегодня дать однозначный ответ. Одно, тем не менее, можно утверждать точно: стилистика «мухоморных» образов Л. Теютиной, как отмечалось выше, не имеет ничего общего с наскальными рисунками Древней Чукотки. Но вот то, что ряд ключевых компонентов в обеих группах изображений практически

совпадает, дает основание для рабочей гипотезы о существовании в духовной культуре чукчей и, вероятно, эскимосов неких устойчивых «архетипов», связанных с представлениями о «людях-мухоморах». Закономерен вопрос: почему данные представления не находили выражение в изобразительном искусстве коренных жителей Северо-Восточной Азии на протяжении двух тысячелетий, что разделяют петроглифы Пегтymeля и гравюры Лидии Теутиной? Увы, и на этот вопрос тоже пока нет ответа.

Литература

- Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991.
- Диков Н.Н. Наскальные загадки Древней Чукотки (петроглифы Пегтymeля). М., 1971.
- Диксон Олард. Мистерии мухомора: Применение галлюциногенного гриба в шаманской практике. М., 2004.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.
- Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983.
- Лукина Т.А. Г.В. Стеллер о народной медицине Сибири (Неопубликованный трактат 40-х годов XVIII в.) // Страны и народы Востока. М., 1982. Вып. 24, кн. 5. С. 127–148.
- ПМА-1 – Полевые материалы автора (Е.П. Батьяновой), пос. Палана, Лесная. Тигильский район Корякского а.о., 1995 г.
- ПМА-2 – Полевые материалы автора (Е.П. Батьяновой), пос. Марково, Тавайваам. Анадырский район Чукотского а.о., 1999 г.
- ПМА-3 – Полевые материалы автора (Е.П. Батьяновой), пос. Оссора, Карагинский район Чукотского а.о., 1984 г.
- Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795. Магадан, 1978.
- Saar Maret. Ethnomycological Data From Siberia and North-East Asia on the Effect of Amanita Muscaria // Journal of Ethnopharmacology. 1991. № 31. P. 157–173.
- Salzman E., Salzman J., Lincoff G. In Search of Mukhomor, The Mushroom of Immortality // Shaman's Drum // A Journal of Experiential Shamanism. 1996. № 41.
- Society and Folk Art of Indigenous Peoples in Kamchatka Region. Center for Language Studies, Otaru University of Commerce. March 31. 1998.

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2015 г.

Batyanova Elena P., Bronshtein Mikhail M.

AMANITA MUSCARIA IN THE HOUSEHOLD, BELIEFS, RITUALS AND ART OF THE PEOPLES OF THE NORTH*

Abstract. The article explores religious ideas of the peoples about amanita muscaria in the north-east of Siberia, as well as ritual practices linked to it, and traditions in using this mushroom both as a hallucinogen and for medicinal purposes. It draws on field materials collected by authors among indigenous populations of Chukotka and Kamchatka (the Chukchi, Koryaks, and Chuvans) in the 1980s - 2000s. The article includes household and mythological stories about amanita muscaria recorded by the authors during expeditions. Images of 'amanita muscaria people' depicted in the ancient Pegtymel rock paintings and those engraved by the artist of Chukotka Lidiya Teutina on walrus tusks are compared and analyzed.

Keywords: amanita muscaria, peoples of the North, hallucinogens, shamanism, rituals, Chukotka, Kamchatka, rock-painting, carvers and engravers of Uelen

DOI: 10.17223/2312461X/11/5

* The article is written with financial support of the Russian Foundation for Humanities (grant# 13-01-00276a)

References

- Bogoraz V.G. *Material'naiia kul'tura chukchei* [The material culture of the Chukchi]. Moscow, 1991.
- Dikov N.N. *Naskal'nye zagadki Drevnei Chukotki (petroglify Pegtymelia)* [Rock enigmas of the ancient Chukotka (Pegtymel petroglyphs)]. Moscow, 1971.
- Dikson Olard. *Misterii mukhomora: Primenenie galliutsinogenogo griba v shamanskoj praktike* [Mysteries of amanita: the hallucinogenic mushroom in the practice of shamanism]. Moscow, 2004.
- Krasheninnikov S.P. *Opisanie zemli Kamchatki* [Description of the land of Kamchatka]. Moscow; Leningrad, 1949.
- Lindenau Ia.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaia polovina XVIII veka): Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials on the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan, 1983.
- Lukina T.A. G.V. Steller o narodnoi meditsine Sibiri (Neopublikovannyi traktat 40-kh godov XVIII v.) [G.W. Steller on folk medicine in Siberia (a 1840s unpublished tractate)], *Strany i narody Vostoka*. Moscow, 1982, Vol. 24, is. 5, pp. 127-148.
- PMA-1 - Polevyie materialy avtora (E.P. Batianovoi), pos. Palana, Lesnaia. Tigil'skii raion Koriakskogo a.o., 1995 g. [*FMA-1 - Field materials of the author*. E.P. Batianova, Palana village, Lesnaya. Tigil'skiy area, Koryakskiy autonomous region]
- PMA-2 - Polevyie materialy avtora (E.P. Bat'ianovoi), pos. Markovo, Tavaivaam. Anadyrskii raion Chukotskogo a.o., 1999 g. [*FMA-2 - Field materials of the author*. E.P. Batyanova, Markovo village, Tavaivaam. Anadyrskiy area, Chukotkskiy autonomous region, 1999]
- PMA-3 - Polevyie materialy avtora (E.P. Bat'ianovoi), pos. Ossora, Karaginskii raion Chukotskogo a.o., 1984 g. [*FMA-3 - Field materials of the author*. E.P. Batyanova, Ossora village, Karaginskii area, Chukotkskiy autonomous region, 1984]
- Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoi geograficheskoi ekspeditsii 1785-1795* [Ethnographic materials of the Northeast geographic expedition 1785-1795]. Magadan, 1978.
- Saar Maret. Ethnomycological Data From Siberia and North-East Asia on the Effect of Amanita Muscaria, *Journal of Ethnopharmacology*, 1991, no. 31, pp. 157-173.
- Salzman E., Salzman J., Lincoff G. In Search of Mukhomor, The Mushroom of Immortality, *Shaman's Drum. A Journal of Experiential Shamanism*, 1996, no. 41.
- Society and Folk Art of Indigenous Peoples in Kamchatka Region*. Center for Language Studies, Otaru University of Commerce. March 31. 1998.